

Проблема «неопределенного» в философско-антропологическом контексте

М. Н. Кожевникова

кандидат философских наук, заведующая научно-исследовательской лабораторией проблем социальной поддержки личности, Институт педагогики, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. Россия, г. Санкт-Петербург. ORCID: 0000-0002-9093-4936. E-mail: mkozhevnikova1@gmail.com

Аннотация. Исследование обусловлено актуальностью проблемы «неопределенного» для современного мира в условиях трактовки человека как «определенного» со стороны бихевиоризма, редукционизма и экономического империализма (концепта «человека экономического»), что в итоге сказывается на техникстских подходах к человеку во многих областях, прежде всего, в современном образовании. Так проблема «неопределенного» очерчивается в философско-антропологическом контексте. Цель исследования состоит в том, чтобы прояснить место и значение *неопределенного* в понимании феномена человека, обуславливающего, в свою очередь, подходы к человеку в гуманитарных областях знания, в разных сферах общественной и профессиональной жизни и, в особенности, в образовании.

Помимо общефилософской методологии, исследование как ориентированное на антропологическую перспективу, в частности, применительно к проблемному полю философии образования, опиралось на общеупотребимые подходы и методы соответствующих областей, а в особенности феноменологический подход, используемый для того, чтобы заметить феномены, указывающие на *неопределенное*, и так проблематизировать и осмыслить его, исходя из опыта человека; и диалектический метод, преодолевающий риск гипосташирования *неопределенного*.

В результате исследования в рассмотрении опыта «бытия человеком» были вычленены «слои» опыта, в рамках которых замечено присутствие и осмыслено значение *неопределенного*. В слое «порядка» (системы) в перспективе, фиксированной на *самом* (определившемся, определенном), противостоящее *другое* обнаружено теряющимся, *неопределенным*, получающим значение подвижного, причины. В слое «живого» в опыте, усматриваемом как принципиально подвижный, *неопределенное* понято как свернутое единство *самого* и *другого*, составляющее исток феномена «субъектности» и производящее определение в процессе отражения. В слое «живого существа» замечено, как, в силу *неопределенного*, при новом отражении опыт субъектности делается открытым, и это ведет к способности «расшифровки» не вполне еще определенного *другого* и отмеченных сущностной *неопределенностью* других существ. В слое опыта «человека-в-особенности» *неопределенное* обуславливает характерные для этого опыта феномены «вмещающей субъектности», «самовыражения» и «самопреодоления».

В итоге были произведены выводы относительно необходимости учитывать *неопределенное* и утвердить «права» *неопределенного* в подходах к человеку, что имеет, в частности, важное значение для понимания и осуществления «образования человека».

Ключевые слова: феноменологический анализ, субъектность, самопреодоление, образование человека, зрелость.

Значение проблемы неопределенного в современном мире, философии, науке. Для человечества, с его сегодняшней планетарной проблематикой, в условиях «текущей современности»; в мире техники, технологий, искусственного интеллекта; а также в состоянии ментальности «жесточкого оптимизма» [12; 28], делается еще более актуальной, чем раньше, потребность понимать, что есть «человек» и как человек должен относиться к себе и миру. В рамках требуемого понимания значительное место занимает недоучтенная проблема «неопределенного», которая должна рассматриваться как философско-антропологическая, в отличие от чаще поднимаемой трактовки проблемы неопределенности как внешней для человека ситуации, а также социальной¹ и психоло-

гической проблемы человека в ситуациях неопределенности [22] (о которой В. П. Зинченко замечал: «парадокс состоит в том, что даже успешное преодоление порождает новые формы неопределенности» [11, с. 3]), в каком смысле «неопределенность» известна и в обсуждаемой относительно образования проблематики [5; 17].

Антропологически трактуемая проблема «неопределенного» обнаруживает очевидное значение в соотношении с концептуальными основаниями бихевиоризма² или редукционизма в его подходе к человеку, усиленно использующем естественнонаучные данные, в последнее время – данные о нейронных, нейрофизиологических свойствах, состояниях и процессах для утверждения представлений о человеке как полностью определяемом, по сути, определенном.

В ходе многообразных исследований «неопределенность» рассматривалась в одном ряду с хаосом [21], вероятностью, случайностью, возможностью, ограниченностью знания [18; 19; 23; 24], эмерджентностью [29], риском. Проблема неопределенности, по заключению исследователей, включает онтологический, гносеологический, антропологический аспекты и видится недостаточно проясненной, поскольку «неопределенность» в глоссарии современной науки и философии сохраняет функцию сигнификации, с указанием на разные, зачастую противоположные гносеологические ситуации, а также используется в качестве синонима онтологическому понятию «хаос» [26, с. 111; 25].

«Неопределенное» (англ.: uncertain, vague) завоевало влиятельные позиции в XX в. как категория научной и философской мысли в постнеклассической парадигме и получило особое значение в рамках логики; квантовой физики, оказавшей, со своей стороны, эффект на развитие моделей современного мышления [7]; кибернетики; информатики; биологии; синергетики; теории игр; теории принятия решений; социальной философии, в сфере познания которой сегодня «неопределенность» занимает важное место [6]; социальных наук, по-разному концептуализирующих «эпоху неопределенности» и развивающих «социальную рискологию»; и наконец, нейронауки.

Исходя из имеющихся исследований и в свете обозначенной выше актуальности проблемы «неопределенного» очерчивается исследовательский вопрос о *неопределенном* в философско-антропологическом контексте.

Для подхода к исследованию проблемы «неопределенного» потребуется использовать феноменологический подход как такой, который позволяет заметить и осмыслить феномены, указывающие на *неопределенное*, и так дает основания для проблематизации «неопределенного», исходя из самого нашего опыта; противостоит таким образом соскальзыванию в мистификацию неопределенного. И также исследование необходимым образом должно иметь опору на диалектический метод, который делает возможным избежать гипостазирования *неопределенного*.

Философская проблема неопределенного. Проблема *неопределенного* вошла в круг философского осмысления еще в Древней Греции. Платон обсуждал ее в рамках понятия «хора» – «воспринимающего начала», уподобленного матери, которое он ввел для объяснения возникновения мира как противоположенное «эйдосу» – идее-образцу («отцу» всех порождаемых вещей). По мнению Платона, мы можем только «пытаться пролить свет на тот вид, который темен и труден для понимания», «нужно определить предмет с большей ясностью, а это весьма затруднительно по разным причинам». В качестве причин Платон приводил, прежде всего, невозможность «разрешить сомнение относительно огня и всего» подобного – стихий, первоэлементов мира, если требуется «к чему-то одному приложить какое-нибудь из наименований, ... ведь надо употреблять слова в их надежном и достоверном смысле», а «огонь – постоянно являет себя то одним, то другим, надо говорить не об “этом”, но о “таком” огне и также воду именовать не “этой”, но “такой”, да и вообще не надо приписывать всем подобным вещам устойчивости, выражаемой словами “то” и “это”, посредством которых

личность в деятельность, направленную на самосовершенствование, тем ближе она к планке своих притязаний. Следовательно, степень личностной определенности возрастает. (...) Однако в контексте современности достижение личностной самоактуализации уже не предполагает только достижения определенности в своем существовании. Личность тогда становится реализовавшейся, когда человек осваивается в неопределенности, адаптируется к ней и чувствует себя свободно и комфортно» [4].

² В противовес этим позициям, мы солидаризируемся с утверждением Зинченко В. П., обращавшегося к позициям М. К. Мамардашвили, о том, что мы должны «завоевывать» «непричинный взгляд на действительность», «конструируя причины собственных действий» [1, с. 19].

мы обозначаем нечто определенное... [поскольку] они от нас ускользают... рождаются они, переходя по кругу одно в другое». Поэтому хора, «всегда воспринимаемая все, никогда и никоим образом не усваивает никакой формы», это «незримый, бесформенный (αορφοv) и всевосприимчивый вид, чрезвычайно странным путем участвующий в мыслимом и до крайности неуловимый», который «воспринимается вне ощущения, посредством некоего незаконного умозаключения, и поверить в него почти невозможно. Мы видим его как бы в грезах» [20]. Заметим, что у Аристотеля схожую пару начал составили «форма» (как идея-образец) и «материя» (как аморфное, неопределенное начало).

Неопределенное трактовалось в связи с началами, наделенными абсолютной абстрактностью³, как сформулировал это Гегель: «Простую мысль о чистом бытии как абсолютном и как единственной истине впервые высказал Парменид, который в дошедших до нас фрагментах высказал ее с чистым воодушевлением мышления, в первый раз постигшего себя в своей абсолютной абстрактности: только бытие есть, а ничто вовсе нет. – В восточных системах, особенно в буддизме, ничто, пустота⁴ составляет, как известно, абсолютный принцип. – Глубокий мыслитель Гераклит выдвигал против указанной простой и односторонней абстракции более высокое, целокупное понятие становления...» [6, с. 141].

Неопределенное, усмотренное в такой перспективе, обретало и религиозное значение, как в апофатическом, «отрицательном богословии», например, у о. Сергия Булгакова, трактовавшего «ме-он» (букв.: не-бытие, не-что, где «μη означает лишь неопределенность»), как «божественное Ничто». Булгаков различил возможности отрицательности как таковой, которая может иметь различную энергию и смысл: либо «еще не», либо «уже не», то есть либо антиномический, либо эволюционно-диалектический путь, из которых Булгаков отождествлял первый как апофатический, отвергая возможность положительного учения о Боге и мире, вырастающего из неразличности как первоосновы бытия (Grund или Ungrund немецких мистиков⁵). По Булгакову же, это бездна, над которой нет никакого моста, «и эта абсолютная Тайна содержит в себе источник “воды, текущей в жизнь вечную”, никогда не иссякающий и не оскудевающий» [3, с. 243–244, 252].

Начиная с Хайдеггера, как отмечают исследователи, внимание философов перемещается с предметного сущего, которое определено, на тот неопределенный «фон», который позволяет это сущее увидеть. В формулировке В. В. Бибихина: «Увидев что-либо умственным зрением, мы спешим схватить предмет и упускаем из виду свет, в котором увидели» [Цит. по: 27, с. 7].

С другой стороны, *неопределенное* не в онтологическом, а в эпистемологическом аспекте, исследуется в связи с условиями «пограничных случаев», контрастирующих с двусмысленностью и общностью, но может быть трактовано и иначе, с позиций многозначной логики, сверхценности (supervaluationism) и контекстуализма [31]. Согласно Ч. Пирсу: «Суждение (букв.: proposition, пропозиция) является неопределенным, когда существуют возможные состояния вещей, относительно которых внутренне неясно, будет ли говорящий, если бы он их рассматривал, считать их исключенными или допускаемыми данным суждением. Под внутренне неопределенным мы подразумеваем неуверенность не вследствие какого бы то ни было незнания интерпретатора, а вследствие того, что языковые привычки говорящего были бы неопределившимися» [30].

В современных исследованиях рефлексия неопределенности надо трактовать, согласно А. А. Грякалову, как одну из форм выхода из ситуации постмодернистского релятивизма, позволяющую понимать неопределенность несводимой «к обобщениям эмпирической фактичности» и прояснять ее топос как «место смещения» – перехода, слома, трансгрессии, шва [10], несоотнесенности, «разрыва между космосом и существованием», в котором «открывается для человека непонятное, ужасающее, ни к чему не сводимое» [8] (при том, что «утрата субъекта – его смещение, рассеяние, децентрация — приводит к неопределенности» [8]). И также появляется возможность понимать ее как относимую «к рефлексивной или экзистенциальной позиции в целом», присутствующую «даже в агональной модели космоса» [9], а также в эстетическом опыте, преодолевающим «пределы мысли»: в «агональном языковом космосе», например, в поэтике заумного языка русского формализма или А. Платонова, у которого язык пробивается к неопределенности «вещей неведомых», «свободной вещи» [10].

³ По ст.: [14].

⁴ Санскр.: шунья, букв.: пустота, но, по содержанию философского понятия в буддизме, это отсутствие субстанциальности, самостоятельного бытия – взаимозависимость.

⁵ В трактовке Бёме – изначальная воля.

Таким образом, мы видим, круг проблематики *неопределенного* очертился, начиная с Платона и до современных трактовок, в онтологическом и гносеологическом измерениях⁶ как то, что в своей неоформленности и подвижности и особенных ситуациях («смещения») не поддается дискурсу, и как сама эта невозможность дискурса.

Неопределенное в феноменологическом анализе: опытный слой «порядка». В соответствии с тем, как *неопределенное* было проблематизировано уже Платоном, встает вопрос: каким же образом вообще возможно обнаруживать⁷ *неопределенное*? Обратимся к феноменологическому анализу с позиции принятой антропологической перспективы. Именно в ходе подобного рассмотрения появляются возможности обнаружения *неопределенного*.

Вставая перед неизбежной необходимостью вычленять в таком сложном опыте «слои» и начиная с уровня «наиболее простого», являющегося тем досодержательным основанием, которое делает и все содержание опыта возможным, мы усматриваем как фундирующий остальные слои прафеномен «порядка» («системы»), выявляющий само наше схватывание феноменов.

Теперь, в обсуждаемом феноменологическом усмотрении присутствуют *само* (сам феномен, сама система) и *другое*: это внутреннее *другое* (составляющие феномена, элементы системы, складывающие конфигурацию, то есть *то* различаемое в *целом*, что позволяет схватывать образ, феномен как таковой) и внешнее *другое* (относительно *самого* это не различенное в себе *другое*, взятое как одно, – среда системы). Происходящее схватывание и полагание феноменов подразумевают их самотождественность. Мы отождествляем, определяем, упорядочиваем беспорядочное: именно «порядок» лежит в основании восприятий, действий (всегда приводящих что-то в требуемый порядок), дискурса, наконец, «истины» в человеческой жизни.

В этой перспективе, фиксированной на *самом* (определившемся, определенном), *неопределенное* вытеснено. Точнее, это *другое*, противостоящее *самому*, теряется из виду (или в *самой* вещи – ее внутренняя глубина, или же за ее пределами – как некая размытая аморфная неведомая «среда», упомянутый Бибихиным «фон» видимого), то есть видится, с точки зрения *самого*, неопределенным – и в этом смысле, как не-самотождественное, подвижным, «как бы деятельным». (Обратим внимание: подобным образом, исходя из самости, самотождественности Я как незыблемой данности и доминанты, инфантильное, незрелое мышление в происходящем локализирует источник изменений вовне).

Заметим еще важные возникающие последствия: в связи с так видимой «активностью» *другого*, устанавливается и «причинность» – зависимость *самого* от *другого*: так причинно объясняется изменчивость «вещей». Однако, если посмотреть внимательнее на усматриваемый феномен «причинности» как зависимости *самого* от *другого*, то делается понятно, что стоит схватить *другое* – и оно уже определяется как *само*, таким образом причинность перемещается на его *другое*. Эта неотвратимо продляемая последовательность причинности, уходящая в линейном видении в бесконечный ряд, а если распознать в ней рекурсивный характер, то в бездонную глубину, и ведет к известному решению, сводящемуся к высшей первопричине («абсолютному принципу», «идее», «божественному»), позволяющему сделать окончательную остановку, – и это для опытного слоя «порядка» означает возвращение и торжество тождественности.

Признавая феноменологическую «рамку» обсуждаемого, то есть факт его отнесенности к собственному опыту, к нашему усматриваемому, мы должны будем переформулировать сказанное, признав: в слое «порядка», *определенного* мы игнорируем *неопределенное*. Или иначе можно сказать, что такова обратная сторона нашего схватывания: нечто определяется, только выделяясь в схватывании из *неопределенного*. В этом смысле *неопределенное* всегда «стоит у нас за спиной».

Неопределенное в феноменологическом анализе: опыт субъектности. Однако наш опыт, в его содержании, как мы его знаем из повседневности и из феноменологического усмотрения, обнаруживается как принципиально подвижный, и эта подвижность, изменчивость позволяет различить слой опыта «живого». Тогда как «вещь» «стремится» удержать себя, но, в силу *другого* (среды), изменяется, разрушается («энтропия»), опыт живого – это

⁶ По выводам Фабера, для обоих измерений следует выделять «топосы бытия, связанные с неопределённостью»: 1) абсолютного, или апофатического; 2) относительного; 3) виртуального [25].

⁷ В связи с чем А. А. Грякалов обозначил «рефлексивную или экзистенциальную позицию».

стремление *самого* к изменению, посредством *другого*, в себя *само-другое*, и это изменение противостоит обычному изменению вещи («негэнтропия»).

Обсуждаемый опыт составляет феномен «субъектности»⁸: это такая самотождественность, которая во взаимодействии со своим *другим* проявляется как задавание собственного вектора изменения. Это изменение – направление, исходящее из самого себя (живого) как неисчерпаемого и потому принципиально неопределимого истока разворачивания. Субъектность обуславливает содержание нашего опыта и все наше развитие, наблюдаемое по слоям опыта и в их рамках: от уровня «живого» к уровням «живого существа» (с «открытой» для него субъектностью себя и Других) и, наконец, «человека-в-особенности» (с характерным феноменом «*усмотрения*» и другими особенностями), – таково развитие, понимаемое обычно как рост к «зрелости» (то есть становлению в своих сущностных чертах и в полноте функционирования). Все эти слои опыта известны нам, поскольку все они в единстве и есть тот феномен человека, которым мы являемся.

Итак, как было замечено, для опыта субъектности *неопределенное* обнаруживается как «неисчерпаемый и неопределимый исток разворачивания». Видится допустимым сказать и так, что это – «сама жизнь» как движущая сила, происхождение которой остается тайной. Но отождествляться как субстанция *это* может только в ошибочном гипостазировании, ведь интуитивно очевидна его непостоянная подвижная, то есть связанная с *другим* природа. И легко понять, что, если и пробовать отождествлять *неопределенное* как некий принцип первоначала, то это возможно делать только в гераклитовских терминах становления. Уточним: речь идет об опыте субъектности – о нас самих, то есть это первоначало нашего собственного опыта.

И если, не мистифицируя, задаваться вопросом о его природе, то мы обнаружим, что это *неопределенное* таково, поскольку здесь *другое* проникает *само*: это неразрешенное противоречие, свернутое единство, поэтому оно и представляет из себя движущую силу, начинающую разворачивание.

Таким образом, в результате прояснения усмотрений этого слоя опыта, мы замечаем, что *неопределенное* обернулось из «внешнего» по отношению к нам тем, что есть для нас сущностно «внутреннее».

Вместе с тем, существование разворачивающейся субъектности состоит в том, что *неопределенное* производит определение. В этом процессе субъектность (направленность живого) как *само*, «встречая» любое *другое*, стремится восстановиться в своей *самотождественности* (разворачивании *неопределенного*). Можно описать это следующим образом: «ударяясь» о свое *другое*, как об экран, она получает «обратную волну движения» – отражается, меняясь при этом («в силу *другого*»), и, исходя уже из позиции изменения, движется снова дальше, образовав тем самым петлю – область «внутреннего». (Это первичный «опыт», описываемый в биологии организма в системных терминах понятием «обратная связь»). Такое движение (понимаемое в кибернетике и биологии как появление информации для организма) мы и описываем как возникновение *определенного* (упорядоченного, отождествленного, явленного, существующего) из *неопределенного*.

Итак, требуется признать, что *неопределенное* отличает нас от неживых «просто систем», «вещей», феноменов, которые, в принципе, могут быть и оказываются так или иначе определены.

Различие в акцентах на *определенном* или *неопределенном* заметно сказывается на следствиях для человека, общества и, в частности, образования. При акценте на первом складывается понимание *другого* как «препятствия» и проблематика силы: развивается «воля к власти», способность овладеть средой и соревновательность. При акценте на *неопределенном* возникает понимание *другого* как необходимого (действительно, все *другое* – это поле образовательного роста); развивается «воля к субъектности», творчество.

Далее, в усматриваемом как чувствуемый опытным слое «живого существа» для нас делается возможным «открытие субъектности», благодаря прогрессу «отражения». Теперь «область *внутреннего*» как состоявшаяся оказывается чем-то *определенным* – и таким образом уже *другим* для субъектности, существующей как разворачивающееся *неопределенное*: оказывается следующим «экраном» для нового «отражения», которое уже позволяет нам «видеть» сам свой опыт (закрытый для нас как живого, то есть просто организма, подобного растениям, прежде). Это превращает опыт в переживание, в «*субъективный опыт*», сопровождаемый «светом сознания».

⁸ Подробнее – ст. [14].

И так уже *неопределенное внутреннее* обращается в определенное для нас (это наша «боль», «жар», «радость» и т. д.). Также как следствие открывающейся собственной субъектности, в опыте живого существа появляется «само»: переживание самотождественности.

Кроме того, у нас появляется соотнесение всякого определяемого нами *другого* с нашим определившимся *внутренним* как отразившим прежнее *другое* и репрезентацией собственной субъектности. Благодаря этому, складывающаяся картина опыта (определенное, порядок) как некая схема делается основой для соотнесения с ней *другого* и «расшифровки», или «перевода» не вполне еще определенного *другого* на этот «язык своего порядка»: так мы понимаем вещи, обращаем их во вполне определенные. И так мы выявляем из всего *другого* Других – наделенных субъектностью других существ и «расшифровываем», понимаем их поведение (в аспекте желания и нежелания, прежде всего).

Неопределенное подобным же образом остается истоком движений, при все дальше углубляющемся «внутреннем», в прогрессе дальнейших отражений и переходов и в слое «особенного опыта человека»: при появлении «предметов» и «Я», Других, предметно мыслимых, но при этом признаваемых за субъектов, то есть распознаваемых с их *неопределенным*, что ведет к характерному для человека феномену «вещающей субъектности» (вещающей в свою направленность субъектностные направленности Других).

Для человека *неопределенное* тяготеет к переходу в определенное как *само*, обретающее форму *другого*, усматриваемого для Других, – «самовыражению», с чем связано и становление «культурного мира» человечества.

Наше *неопределенное* напоминает о себе, безгласно «требуя» чего-то, и, не будучи понятным, ведет к экстазным порывам и порождает желание пережить его в самом полном сближении с Другим – в любви. Естественный язык запечатлел намек на этот опыт, например, в русском слове «нутро», с его амбивалентным значением («внутренний мир», «душа», «интуиция», «утроба», «чутье»), свидетельствующем и об уровне «глубины» *неопределенного* («до самого нутра»), и о его возможностях в опыте («нутром чую»), и его неутолимо требовательном, движущем начале («горит утро»). Похоже, о *неопределенном* говорил и Августин как о «внутреннем своем» [2, с. 203–245], описывая самый глубокий источник духовного побуждения. И, хотя для нас это непросматриваемая глубина, из которой появляются сны, «невидимое» не значит несуществующее, поскольку из этой невидимой области появляются внутренние движения в моменты творчества и наитий.

Вследствие феноменологического анализа мы можем выяснить, насколько глубоко в нашем внутреннем «само» проникнуто *другим* и Другими (это предметы наших чувствований, мышления, желаний, действий и Другие, изнутри нас «смотрящие», «мыслящие», «говорящие» через нас и с нами) и признать это единство, производящее *неопределенное*.

В нашем опыте, благодаря обнаружению зоны «слепого пятна» «за спиной» и разворачиванию субъектности на себя, с охватом тем самым уже всего возможного, возникает самодействие и самопреодоление. Первый его уровень – обращение с «собой» как с подчиняемым Другим, подводимым (подобно «предмету») под порядок, определенность, – это «самодисциплинирование». Следующий уровень – «самоочищение», исходящее еще из борьбы с «собой», но уже со стороны «природы» – *неопределенного*. И, наконец, это доверительное взаимодействие с собой в опыте вслушивания, вчувствования и как бы «не по своей воле» «выход за пределы» – забвение себя ради *откровения*⁹, открывания *положения дел, как есть* (поэтическое вдохновение, всякое творческое или мыслительное озарение, религиозные откровения), к трансцендентальному, известному в искусстве, религии, философии, психологии.

Заключение. Выводы для развития и образования человека. Таким образом, было прояснено значение проблемы *неопределенного* в современном мире, философии, науке, образовании. В результате проведенного анализа был очерчен круг философской проблематики, связанной с феноменом и понятием *неопределенного*. С применением выработанной методологии, базированной на феноменологическом анализе, было прояснено место *неопределенного* в понимании феномена человека, начиная с обнаружения и осмысления *неопределенного* в опытном слое «порядка» и затем в *опыте субъектности* в слоях «живого», «живого существа» и, наконец, «человека-в-особенности», и было осмыслено его значение для объяснения

⁹ У Г. Гессэ в описании опыта героя Кнехта в романе «Игра в бисер» это «наитие», «пробуждение», которое «внерационально» и «слитно с настоящим моментом».

последовательно происходящего *определения* в процессах отражения и характерных особенностей субъектности разных уровней человеческого опыта.

При так уточненном понимании феномена человека подход к человеку, развитие человека, в целом, и образование, в частности, которое должно осмысляться, соответственно, как «образование человека», видятся как культивирование, поддержка поэтапного (по уровням опыта) выращивания человека в направлении зрелости в процессе развертывания субъектности. Понимая, что забота о субъектности – это, по сути, забота о *неопределенном*, необходимо утвердить «права» *неопределенного* в гуманитарном знании и особенно в образовании.

При этом сама подобная постановка проблемы имеет чрезвычайное значение, имея в виду подходы к человеку в нынешней ситуации в обществе, культуре, образовании. Эта ситуация обусловлена влиянием неолибералистских идей, «экономическим империализмом», доминированием менеджеристской парадигмы, определяющей образовательную политику в мире, проникнутую техницистскими трактовками образования [13]. Эти влияния согласуются с подходом к человеку с позиций модели «человека экономического» – рационального деятеля, действующего для максимальной выгоды. В существующем контексте человек в трудовой деятельности и даже в образовании рассматривается через «решетку» теоретического конструкта «компетенций», в соответствии с которым оказывается определенным через фиксируемые элементы (компетенции разных сфер, выделяемые не только для собственно трудовой и образовательной деятельности, но и для мышления, общения, отношений, волевых действий, идентичности, эмоциональности, наконец, самосознания). Далее эти элементы составляют предмет управления: планирования; осуществления (как подчинения плану); и, в итоге, контроля, посредством отчетности, по результативным критериям «показателей» и «достижений».

Признание *неопределенного* и отстаивание «права» *неопределенного* должно означать для гуманитарного знания и, в особенности, педагогики, во-первых, включение «сферы *неопределенного*» в философско-антропологические основания своей теоретической картины; во-вторых, отказ, по существу, от дискурса поэлементного фиксирования и контроля, от стратегии сбора и обработки искусственным интеллектом больших данных в применении к человеку, поскольку понимать человека может только человеческий интеллект, наделенный свойствами смыслообразования, понимания и ответственности; в третьих, возвращение естественного языка описаний, с его многозначностью, глубиной и гуманитарно-научного языка, с его точностью и строгостью за счет работы с понятиями, вместо используемого языка технических кодов (например, в образовании: ОК-1, ОПК-5 и т. п.). Для практики образования следствия должны выразиться в понимании образования принципиально в гуманистическом значении [15] – как «образования человека»; возвращении внимания к образовательным процессам как таковым; в учете роли неструктурированного времени, пространства, информационной среды; в возрастании роли молчания, созерцательных практик разных видов, других условий для внутренних творческих процессов.

Список литературы

1. Бауман З. Текущая современность / З. Бауман ; пер. с англ. ; под ред. Ю. В. Асочакова. СПб. : Питер, 2008. 240 с.
2. Блаженный Августин Аврелий. Исповедь / Августин Блаженный. М. : Дарь, 2007. С. 203–245.
3. Булгаков С. Отрицательное богословие // Вопросы философии и психологии. Год XXVI, кн. 128 (III). 1915. С. 244–291.
4. Веселкова В. С. Определенность и неопределенность в социальном познании : дис. ... канд. философских наук / В. С. Веселкова. Саранск : Мордовский гос. ун-т им. Н. П. Огарева, 2006. 136 с.
5. Воспитание в условиях неопределенности : материалы научно-практической интернет-конференция с международным участием (Москва, ноябрь-декабрь 2018 г.) / Под ред. М. Р. Мирошкиной, Е. Б. Евладовой, С. В. Лобынцева. М. : Институт изучения детства, семьи и воспитания РАО, 2019. 156 с.
6. Гегель Г. В. Ф. Наука логики / Г. В. Ф. Гегель. М. : Соцэкгиз, 1937.
7. Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое / Пер. с нем. И. А. Акчурина, Э. П. Андреева, послесл. А. В. Ахутина. М. : Наука, 1989. 400 с.
8. Грякалов А. А. Понимание и неопределенность (Опыт В. В. Розанова) // Философские исследования. 2016. Т. 5. № 1/2 (9/10). С. 80–106.
9. Грякалов А. А. Неопределенность: событие и рефлексия // Вестник СПбГУ. Сер. 17. 2014. Вып. 2. С. 12–21.
10. Грякалов А. А., Преображенская К. В. Феномен неопределенности и опыт космизма в дискурсе образования // Профессиональное образование в современном мире. 2015. № 2 (17). С. 23–32.

11. Зинченко В. П. Толерантность к неопределенности: новость или психологическая традиция? // Вопросы психологии. 2007. № 6. С. 3–20.
12. Кожевникова М. Н. 100 лет спустя: современное образование «перед лицом Дьюи» // Педагогика. 2017. С. 115–125.
13. Кожевникова М. Н. Менеджеристская парадигма: в управлении образованием, образовательных целях и социально-воспитательных следствиях // Человек и образование. 2019. № 4. С. 170–177.
14. Кожевникова М. Н. Субъектность ученика и автономия учителя: образовательно-философский анализ // Человек и образование. 2015. № 1 (42). С. 63–67.
15. Кожевникова М. Н. Судьба гуманистической парадигмы и новые идеи в образовании // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2020. № 4 (36). С. 42–53.
16. Мотрошилова Н. В. Чистое бытие // Новая философская энциклопедия / Ин-т философии РАН; Уч. секр. А. П. Огурцов. М.: Мысль, 2010. С. 362–363.
17. Неопределенность как вызов. Медиа. Антропология. Эстетика / Под ред. К. Вульфа, В. В. Савчука. СПб.: Изд-во РХГА, 2013. 246 с.
18. Орлов Д. И. Роль категорий необходимости и случайности, определенности и неопределенности в познании: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Д. И. Орлов. М., 1978. 16 с.
19. Осипов В. Е. Принцип неопределенности, соответствия и дополнительности в структуре стиля научного мышления / В. Е. Осипов. Иркутск: Изд-во Иркутск, ун-та, 1990. 177 с.
20. Платон. Тимей // Собрание сочинений в 4-х томах. Т. III / Пер. С. С. Аверинцева. М.: Мысль, 1990. С. 421–500.
21. Пригожин И. Конец определенности. Время, хаос и новые законы природы / И. Пригожин. Ижевск: Ижевская республиканская типография, 1999. 216 с.
22. Психологические исследования. Психология неопределенности и вызовы современности [Спецвыпуск]. 2015. Т. 8. № 40. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40.html> (дата обращения: 20.12.20).
23. Пятницын Б. Н. Методы описания и устранения неопределенностей: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / Б. Н. Пятницын. М., 1987. 37 с.
24. Тягунов А. А. Философский анализ ситуаций риска, случайности и неопределенности: дис. ... д-ра филос. наук / А. А. Тягунов. Тверь: Тверской государственный технологический университет, 1999. 342 с.
25. Фабер В. О. Проблема неопределенности в структуре философского знания: онтологический, гносеологический, антропологический аспекты: дис. ... канд. филос. наук / В. О. Фабер. Саратов: Саратовский государственный технический университет, 2004. 155 с.
26. Фабер В. О. Проблема неопределенности в структуре философского знания: онтологический, гносеологический, антропологический аспекты: автореф. дис. ... канд. филос. наук / В. О. Фабер. Саратов: Саратовский государственный технический университет, 2004. 24 с.
27. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / М. Хайдеггер. М.: Республика, 1993. URL: <http://philosophy.mitth.ru/heidegger.htm> (дата обращения: 20.12.20).
28. Berlant L. Cruel Optimism. Durham; London: Duke University Press, 2011. 352 p.
29. O'Connor T. Emergent Properties // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2020 Edition) / Ed. Edward N. Zalta URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2020/entries/properties-emergent> (дата обращения: 20.12.20).
30. Peirce C. S. Vague // Dictionary of Philosophy and Psychology / Ed. J. M. Baldwin. New York: MacMillan, 1902. P. 748.
31. Sorensen R. Vagueness // // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2020 Edition) / Ed. Edward N. Zalta. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2018/entries/vagueness> (дата обращения: 20.12.20).

The problem of the "indefinite" in the philosophical and anthropological context

M. N. Kozhevnikova

PhD in Philosophical Sciences, Head of the Research Laboratory of Problems of Social Support of the Individual,
Institute of Pedagogy, Russian State Pedagogical University n. a. A. I. Herzen. Russia, St. Petersburg.
ORCID: 0000-0002-9093-4936. E-mail: mkozhevnikova1@gmail.com

Abstract. The study is due to the relevance of the problem of the "indefinite" for the modern world in terms of the interpretation of man as "certain" by behaviorism, reductionism and economic imperialism (the concept of "economic man"), which ultimately affects the technicist approaches to man in many areas, primarily in modern education. Thus, the problem of the "indefinite" is outlined in the philosophical and anthropological context. The purpose of the study is to clarify the place and significance of the human phenomenon, which is *indefinite* in understanding, and which, in turn, determines the approaches to the human being in the humanities, in various spheres of public and professional life, and, in particular, in education.

In addition to the general philosophical methodology, the study as focused on the anthropological perspective, in particular, in relation to the problem field of the philosophy of education, was based on the commonly used approaches and methods of the relevant fields, and in particular the phenomenological approach used to notice phenomena that point to the *indefinite*, and so problematize and comprehend it, based on human experience; and the dialectical method that overcomes the risk of hypostasis of the *indefinite*.

As a result of the study, in considering the experience of "being human", the "layers" of experience were isolated, within which the presence of the indefinite was noticed and the meaning of the *indefinite* was understood. In the layer of the "order" (system) in the perspective fixed on the *itself* (determined, defined), the opposing *other* is found to be lost, *indefinite*, receiving the meaning of the mobile, the cause. In the layer of the "living" in experience, which is seen as fundamentally mobile, the *indefinite* is understood as a collapsed unity of *itself* and the *other*, which is the source of the phenomenon of "subjectivity" and produces a definition in the process of reflection. In the layer of the "living being", it is noticed how, due to the *indefinite*, with a new reflection, the experience of subjectivity becomes open, and this leads to the ability to "decipher" the not yet fully defined *other* and marked by the essential *indefiniteness* of other beings. In the layer of experience of the "person-in-particular", the *indefinite* determines the phenomena of "enclosing subjectivity", "self-expression" and "self-overcoming" that are characteristic of this experience.

As a result, conclusions were drawn about the need to take into account the *indefinite* and to assert the "rights" of the *indefinite* in approaches to man, which is, in particular, important for understanding and implementing "human education".

Keywords: phenomenological analysis, subjectivity, self-overcoming, human education, maturity.

References

1. Bauman Z. *Tekuchaya sovremennost* [Fluid modernity] / Z. Bauman; transl. from Engl.; ed. by Yu. V. Asochakov. SPb. Piter. 2008. 240 p.
2. *Blazhennyj Avgustin Avrelij. Ispoved'* [Confessions] / Augustine the Blessed. M. Dar (Gift). 2007. Pp. 203-245.
3. *Bulgakov S. Otricatel'noe bogoslovie* [Negative theology] // *Voprosy filosofii i psichologii* – Questions of philosophy and psychology. Year XXVI, book 128 (III). 1915. Pp. 244-291.
4. *Veselkova V. S. Opredelennost' i neopredelennost' v social'nom poznanii : dis. ... kand. filosofskih nauk* [Definiteness and uncertainty in social cognition : dis. ... PhD in Philosophical Sciences] / V. S. Veselkova. Saransk. Mordovian State University n. a. N. P. Ogarev. 2006. 136 p.
5. *Vospitanie v usloviyah neopredelennosti : materialy nauchno-prakticheskoy internet-konferenciya s mezhdunarodnym uchastiem (Moskva, noyabr'-dekabr' 2018 g.)* – Education in conditions of uncertainty : materials of the scientific and practical Internet conference with international participation (Moscow, November-December 2018) / Ed. by M. R. Miroshkina, E. B. Evladova, S. V. Lobyntseva. M. Institute for the Study of Childhood, Family and Education of the Russian Academy of Sciences. 2019. 156 p.
6. *Hegel G. V. F. Nauka logiki* [Science of logics] / G. V. F. Hegel. M. Socekgiz. 1937.
7. *Heisenberg V. Fizika i filosofiya. Chast' I celye* [Physics and Philosophy. Part and whole] / Trans. from German by I. A. Akchurina, E. P. Andreeva, afterword by A.V. Akhutina. M. Nauka (Science). 1989. 400 p.
8. *Grykalov A. A. Ponimanie i neopredelennost' (Opyt V. V. Rozanova)* [Understanding and uncertainty (V. V. Rozanov's experience)] // *Filosofskie issledovaniya* – Philosophical research. 2016. Vol. 5. No. 1/2 (9/10). Pp. 80-106.
9. *Grykalov A. A. Neopredelennost': sobytie i refleksiya* [Uncertainty: event and reflection] // *Vestnik SPbGU* – Herald of St. Petersburg State University. Ser. 17. 2014. Is. 2. Pp. 12-21.
10. *Grykalov A. A., Preobrazhenskaya K. V. Fenomen neopredelennosti i opyt kosmizma v diskurse obrazovaniya* [The phenomenon of uncertainty and the experience of cosmism in the discourse of education] // *Professional'noe obrazovanie v sovremennom mire* – Professional education in the modern world. 2015. No. 2 (17). Pp. 23-32.
11. *Zinchenko V. P. Tolerantnost' k neopredelennosti: novost' ili psichologicheskaya tradiciya?* [Tolerance to uncertainty: news or psychological tradition?] // *Voprosy psichologii* – Questions of psychology. 2007. No. 6. Pp. 3-20.
12. *Kozhevnikova M. N. 100 let spustya: sovremennoe obrazovanie "pered licom D'yui"* [100 years later: modern education "in the face of Dewey"] // *Pedagogika* – Pedagogics. 2017. Pp. 115-125.
13. *Kozhevnikova M. N. Menedzheristskaya paradigma: v upravlenii obrazovaniem, obrazovatel'nyh celyah i social'no-vospitatel'nyh sledstviyah* [Managerial paradigm: in the management of education, educational goals and socio-educational consequences] // *Chelovek i obrazovanie* – Man and education. 2019. No. 4. Pp. 170-177.
14. *Kozhevnikova M. N. Sub'ektnost' uchenika i avtonomiya uchitelya: obrazovatel'no-filosofskij analiz* [Subjectivity of the student and the teacher's autonomy: an educational and philosophical analysis] // *Chelovek i obrazovanie* – Man and education. 2015. No. 1 (42). Pp. 63-67.
15. *Kozhevnikova M. N. Sud'ba gumanisticheskoy paradigmy i novye idei v obrazovanii* [The fate of the humanistic paradigm and new ideas in education] // *Vestnik MGPU. Seriya: Filosofskie nauki* – Herald of Moscow State Pedagogical University. Series: Philosophical Sciences. 2020. No. 4 (36). Pp. 42-53.

16. Motroshilova N. V. *Chistoe betiye* [Pure being] // *Novaya filosofskaya enciklopediya* – New philosophical encyclopedia / Institute of Philosophy of RAS; Academic secretary A. P. Ogurcov. M. Mysl' (Thought). 2010. Pp. 362–363.

17. *Neopredelennost' kak vyzov. Media. Antropologiya. Estetika* – Vagueness as a challenge. Media. Anthropology. Aesthetics / Edited by K. Wulf, V. V. Savchuk. SPb. Russian Academy of Sciences. 2013. 246 p.

18. Orlov D. I. *Rol' kategorij neobходимosti i sluchajnosti, opredelennosti i neopredelennosti v poznanii : avtoref. dis. .... kand. filos. nauk* [The role of the categories of necessity and randomness, certainty and uncertainty in cognition : abstract of the dis. ... PhD in Philosophical Sciences] / D. I. Orlov. M. 1978. 16 p.

19. Osipov V. E. *Princip neopredelennosti, sootvetstviya i dopolnitel'nosti v strukture stilya nauchnogo myshleniya* [The principle of uncertainty, correspondence and complementarity in the structure of the style of scientific thinking] / V. E. Osipov. Irkutsk. Irkutsk University. 1990. 177 p.

20. Plato. *Timej* [Timaeus] // *Sobranie sochinenij v 4-h tomah. T. III* – Collected works in 4 vols. Vol. III / Transl. by S. S. Averincev. M. Mysl' (Thought). 1990. Pp. 421–500.

21. Prigozhin I. *Konec opredelennosti. Vremya, kaos i novye zakony prirody* [The end of certainty. Time, Chaos and New laws of nature] / I. Prigozhin. Izhevsk. Izhevsk Republican Printing House. 1999. 216 p.

22. *Psihologicheskie issledovaniya. Psihologiya neopredelennosti i vyzovy sovremennosti [Specvyypusk]* – Psychological research. Psychology of uncertainty and challenges of modernity [Special Issue]. 2015. Vol. 8. No. 40. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40.html> (date accessed: 20.12.20).

23. Pyatnitsyn B. N. *Metody opisaniya i ustraneniya neopredelennostej : avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk* [Methods of describing and eliminating uncertainties : author's abstract of dis. ... Dr. of Philos. Sciences] M. 1987. 37 p.

24. Tyagunov A. A. *Filosofskij analiz situacij riska, sluchajnosti i neopredelennosti : dis. ... d-ra. filos. nauk* [Philosophical analysis of situations of risk, randomness and uncertainty : dis. ... Dr. of Philos. Sciences] / A. A. Tyagunov. Tver. Tver State Technological University. 1999. 342 p.

25. Faber V. O. *Problema neopredelennosti v strukture filosofskogo znaniya: ontologicheskij, gnoseologicheskij, antropologicheskij aspekty : dis. ... kand. filos. nauk* [The problem of uncertainty in the structure of philosophical knowledge: ontological, epistemological, anthropological aspects : dis. ... PhD in Philos. Sciences] / V. O. Faber. Saratov. Saratov State Technical University. 2004. 155 p.

26. Faber V. O. *Problema neopredelennosti v strukture filosofskogo znaniya: ontologicheskij, gnoseologicheskij, antropologicheskij aspekty : avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [The problem of uncertainty in the structure of philosophical knowledge: ontological, epistemological, and anthropological aspects : author's abstract of dis. ... PhD. in Philos. Sciences] / V. O. Faber. Saratov. Saratov State Technical University. 2004. 24 p.

27. Heidegger M. *Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya* [Time and being: Articles and speeches] / M. Heidegger. M. Respublika. 1993. Available at: <http://philosophy.mit.edu/heidegger.htm> (date accessed: 20.12.20).

28. Berlant L. *Cruel Optimism*. Durham; London: Duke University Press, 2011. 352 p.

29. O'Connor T. *Emergent Properties* // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2020 Edition) / Ed. Edward N. Zalta. Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2020/entries/properties-emergent> (date accessed: 20.12.20).

30. Peirce C. S. *Vague* // *Dictionary of Philosophy and Psychology* / Ed. J. M. Baldwin. New York : MacMillan, 1902. P. 748.

31. Sorensen R. *Vagueness* // // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2020 Edition) / Ed. Edward N. Zalta. Available at : <https://plato.stanford.edu/archives/sum2018/entries/vagueness> (date accessed: 20.12.20).